

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Историко-филологический факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 8

Новополоцк
ПГУ
2017

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также привлечение внимания к текущему литературному процессу.

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор), *Д.А. Лабовкин*, *С.В. Гочаков*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» *А.А. Гугнин*;
кандидат филологических наук, доцент *Н.Б. Лысова*

ПОЭЗИЯ

ТАЦЦЯНА БАГАРАДАВА

Дзе заўжды вечны май, і ў квецені бэз,
І чаромха жартуе з бярозавым гаем,
Дорыць ветрык ласкавы зямлі паланэз
Ды пяшчота пануе над велічным краем.
Цішыня і спакой разліліся наўкол,
Але гэта – прыкметы ўяўнага раю,
Бо адносна зацішныя неба і дол
У хвіліным маўчанні цяпер заміраюць.
І не ведаеш, што прапануе жыццё:
Ці натхненне, ці вечную горыч адплаты...
Моцна ногі паколіць, парэжа асцё,
Бо на ніве быцця – ты часовы араты!..

Велічных нябёсаў акварэль
Паглынае студзеньскую стынь.
Шэрані бахмацістая гжэль
Уяўляе прывідную плынь.

Зранку фанабэрысты мароз,
Захінуўшы ў футра гарады,
Зноў завею з Поўначы прынёс,
А цяпло ўсё забраў туды.

На дварэ гарэза-дзеўчынё,
З сіняю ільдзінкай у вачах,
Пасадзіла ў санкі кацянё,
Каб зімы пераадолець страх.

Ля пад'езда снегавік застыў –
Моўчкі трэ пачырванелы нос,
І зімовы казачны матыў
Завірухай коціцца з нябёс...

Пакліч мяне, Гасподзь, туды, дзе не баліць,
Спакой і чысціня пануюць над Сусветам,
Дзе можна водар дня ў садах Эдэма піць,
Дзе ў шчырай прастаце зіма сябруе з летам.

Пакліч мяне, Гасподзь, прыпасці да цябе,
Забыцца каб на ўсе турботы і памкненні,
Да скону каб не быць у горы і журбе,
Знявечанай душы спатоліцца ў збавенні.

Пакліч, Гасподзь, мяне на самы важны суд
І цэлае жыццё ты разбяры па частках,
Каб справядлівы быў абвешчаны прысуд,
А ў распачнай душы запанавала шчасце!..

Лета сівое, пахмурнае,
Удалеч бягуць аблогі.
Вецер маршы бравурныя
Насвітвае. Шчасце далёка.
Лета – пара натхнення,
Каханне стукала ў дзверы.
Роспачна ў думках збавення
Моўчкі чакаю. Не веру.
Горкія слёзы-суніцы
У кволай далоні даспелі,
У золкай цішы навальніцы
Цяжка ўпалі на веі.
Ты, як узнік раптоўна, –
Так і сыйшоў нечакана.
Толькі ўначы ўсё роўна
Плача душа апантана...

Возвращение

Тайком обув прадедовские лапти,
Уйти из дома вёрсты посчитать...
И вдруг, услышав зовы из Галактик,
Взмыть круто вверх, чтоб вечность навестить.

Земную тягу одолеть пытаюсь,
Навеки сбросить тягостный балласт:
Тоску и злость, застенчивость и ярость –
Всё, что к Земле притягивает нас.

Не жаль обид, долгов, интриг и сплетен,
Гордыню – прочь и зависть тоже – прочь!
Всё, что на этой возросло планете,
Пусть здесь останется и сгинет в ночь.

Вон из души – все боли и страдания,
Все слезы бесполезные мои,
Все дружбы, все земные притязанья
На честь, и славу, и на смысл в любви!

Весь этот хлам страстей и мук ничтожных,
Навоз из принципов, идей и детских вер...
Ах, как легчает мой рюкзак дорожный
На парусах последних стратосфер!

Все нити рвутся, и эфир Вселенной
Готов меня, бесплотного, принять,
Ещё чуть-чуть и, сбросив груз последний,
Я ни о чём не буду вспоминать.

Но что-то держит. Что ещё осталось?
Ах, стыд, мой давний недруг, – это ты!
И совесть где-то в складках завалялась,
И память спит в объятиях мечты.

Мечту отбросим – это старомодно!
Земле оставим грешный стыд земной!
Ещё рывок – и я навек свободен!
Ещё чуть-чуть – и вечность предо мной!

Всё сброшено. Осталась только память,
И совесть всё цепляется, как вошь,
И всё зудит, тяжёлая, как камень:
«Как без меня ты в небе проживёшь?»

Прочь, стерва, прочь, ты мне осточертела,
Ты на Земле меня с ума свела:
Я лапти взял, я вышел вёрсты мерить.
Я всё земное сжечь решил дотла.

Зовут Галактики. Рывком последним
Осталось память сбросить навсегда,
И улететь к пределам запредельным,
И позабыть, откуда и куда.

Но странно вдруг, что память потеряю,
И перестанут плыть в потоке дней
Картины дивные потерянного рая –
Леса и реки родины моей.

И странно мне, что этот груз утратив,
Не вспомню никогда отца и мать,
И даже мысленно своих заблудших братьев
Мне никогда уже не повидать.

И тот ручей, где ландыши ликуют
В начале мая – лишь спадёт вода,
И то, что на Земле искал тоскуя,
Я не смогу припомнить никогда!..

Нет, с памятью я не смогу расстаться, –
Пусть даже вновь вернутся стыд и боль,
Пусть даже совесть будет вновь цепляться
Тяжёлой ношей, тягою земной.

И с этой ношей, с этой вечной тягой
Обую лапти, снова в лес пойду,
И под сосной с таким же бедолагой
О вечности беседу заведу...

5 декабря 1997, Москва, ночь

Ночное путешествие

Когда в природе дождь, и сердце вновь в разладе,
Не в силах разорвать всех жизненных цепей, –
Из времени сбегу и улечу к Элладе,
А, значит, и к тебе, сестра души моей.

Как странно, что мечтой назад я улетаю,
Туда, где память обрывает нить,
И плоть свою, и кровь я в прошлом обретаю,
И начинаю снова полной грудью жить.

– Скучаешь без меня, мой дальний брат Сервантес!
Тебя не вырву я из вековых пут, –
Но я от Полоты принёс тебе весенний ландыш
И из Москвы бутылку с названием «Абсолют».

Литровой ёмкостью пусть братство укрепитсЯ! –
Я духом ослабел, ты в яме изнемог.
Но где же Дон Кихот, твой абсолютный рыцарь?
– Уехал нечисть бить! – Так выпьем за него!

Безумен Дон Кихот – а мы кто в этом мире?
Кто видит всё, но ничего не в силах изменить.
Прощай, счастливый брат!.. Ночь коротай с бутылкой –
Пора в Элладу мне, чтоб воздух жизни пить.

В Элладу я лечу. Нет, я не доктор Фауст –
Увы, я не хочу Елену соблазнить.
(Но как она идёт, земли едва касаясь!
Ах, дайте мне копье – соперников пронзить!..)

К тебе, сестра моя, Кассандра, свет Вселенной,
Сегодня я лечу, веков развеяв грусть.
Я выпил Абсолют, мне море по колено,
Я – рыцарь Дон Кихот, я ничего на свете не боюсь!

Дай руку мне, сестра, – ведь ты отлично видишь,
Чем кончится разбой и будет кто распят –
Пусть мир во зле увяз, но мир ли нас обидит,
Ведь путь наш – не вперёд, а вглубь веков, назад.

– Куда же мы пойдем? – Я знаю край заветный,
Где грозный Зороастр спускается с небес:
Он весь огнём объят, но тот огонь – из света,
Он нить судьбы прядёт сквозь жизни тёмный лес.

Вот смысл её: сгорать и снова возвращаться,
Из пепла и огня, как Феникс, восставать.
И Дон Кихотом по векам скитаться,
И Дульсинею в вечности искать...

Пора домой – там дождь прошёл, наверное,
И храм притихший виден из окна:
В своей светлице нить прядёт заветную
Печальная славянская княжна.

Очнулся я. И ночь уже кончается,
И я забыл: чего я так искал...
На ветке за окном слеза качается, –
Земная, обнаженная тоска...

23 августа 1998, ночь, Полоцк

Ушедшим

Дмитрию Владимировичу Игнатьеву (194 –1998)

Друзья уходят, женщины стареют,
Но, такова, как говорится, жизнь,
Она разводит по глухим аллеям,
Поодиночке сталкивая вниз.

Не то обидно, что скудеют тропы,
Что зелень жухнет и густеет тьма,
И в городах улыбочивой Европы
Так мало блюд для русского ума.

Понятно всё: и боли, и разлуки,
И даже смерть в теории ясна, –
Но как же хочется пожать ушедшим руки
И пробудить, хоть на день, ото сна.

Покончив с нами в одночасье счёты,
Вы отстранились навсегда от нас,
Вам не грозят крутые повороты,
И наши думы не волнуют вас.

Весь груз надежд, сомнений и печалей,
Который так упорно вы несли, –
Вы всё ж с собой в могилу не забрали,
И, нам оставив, в дальний путь ушли.

Но всё живое смысл лишь в том имеет,
Что есть кому упавший груз поднять,
И вновь тащить, и, силы не жалея,
Скользить, и падать, и опять вставать.

И, распластавшись на смертельном ложе,
В последний миг надеяться и ждать,
Что кто-то есть сильнее и моложе
И путь твой будет кто-то продолжать.

7–15 декабря 1996, Вена

О пользе алкоголя

Кружились дни, как ветры по оврагу,
Февральской вьюге не было конца.
Мечту утратив лик узреть Творца,
Я позабыл, где Истина и Благо.

Я потерял надежду и отвагу,
Стал скорлупой, в которой нет яйца,
Скворечником, в котором нет скворца, –
В отчаяньи стал пить хмельную брагу.

Я жадно пил, одолевая страх,
С одной лишь мыслью – поскорей забыться,
На дно оврага тёмного скатиться,
И стыть с блаженством пьяным на устах.

Испив до дна живительную влагу,
Я протрезвел и вылез из оврага.

5 января 1998, Москва

Студенческая загульная*(Шуточная песня. Вольный перевод с немецкого)*

Мудрый юноша, науки
Изучивший глубоко, –
Покажи мне, где пивная
Здесь у вас недалеко?
М.Опиц. Ода (1624)

Ну что, браток, пора в загул!
Дела все побоку похерим.
Зато собьём с души тоску,
А заодно и прочность скул
На прочность Истины проверим.

От знаний что-то душу жжёт –
Настало время оглупляться!
И чем скорей мосты сожжём,
Тем легче будет возвращаться.

Крути баркас, бери разгон,
Другим оставим берег тинный,
И под бутылочный трезвон
Упьёмся радостью старинной.

Эй, кто там снова мимо льёт, –
Еще не кончено веселье:
Ведь тот, кто только норму пьёт,
Не знает истины похмелья!

Плыви, баркас, в последний раз
В водоворот житейской ночи,
Мы пьём здесь водку, а не квас, –
Сгинь с наших глаз, кто пить не хочет!

Так выпьем, не жалея сил,
А если наш баркас споткнётся, –
Пусть первым тот, кто больше пил,
Башкой о землю обопрётся!

Лишь тот, кто прочно испытал
Земли святое притяжение,
Тот гомо сапиенсом стал, –
И мы продолжим превращенье!

Ведь для того и дал Господь
Возможность пить и пить без меры, –
Чтоб истязать нещадно плоть
Во славу истины и веры!

9 ноября 1996, Тюбинген

Сон*(в поезде)*

Снилось: долго иду я роскошной долиной,
Райские птицы поют, и кусты шелестят, как живые,
Рядом родные, друзья – только лиц я теперь
не припомню.

Долго так шёл я, и стала скупее дорога:
Гравий и галька, и реже – кусты и деревья,
Да и друзья поотстали, два-три их всего лишь
осталось,
А из родных – никого, только сын, то ли младший,
то ль старший.

...Город какой-то проходим: дома, новостройки
Тянутся ввысь и, ликуя, вселяются люди.
Я же не помню, откуда иду и куда пролегает

дорога, –
Разве у сына спросить, но его, озираясь, не вижу.
Стройка кончается. Дальше – гористые склоны,
Нет ни деревьев, ни птиц, и дорога пустынна,
Лишь саксаул из песчаников вкось выпирает.
Вместо дороги – тропа, и она на камнях

неприметна.
Спуск какой-то пологий и, значит, я должен
спускаться,

Если ни мест, ни дорог никаких здесь не знаю.
Но если б было спросить у кого, что спросил бы:
Будьте добры, покажите мою мне дорогу?..
Люди, наверно б, смутившись, решили, что злой я
насмешник,

И отвечать на вопрос несуразный никак бы
не стали...

Круче стал спуск между склонов кремнистых, –
Я ж всё иду от уступа к уступу, покоя не зная.
Ногу занёс – ужаснулся: отверзлась мне бездна!
Но не упал я, хотя голова закружилась.
Так окончился путь мой вперед, ибо летать
не умею.

И, озираясь пугливо, чтоб в пропасть совсем
не сорваться,
Вижу: из высей каких я вниз опрометчиво шёл,
И ужасаюсь: уж, верно, навстречу мне теперь
не взобраться,

Но, не желая сдаваться, цепляясь за камни ползу...
22 февраля 1999, поезд «Полоцк – Москва»

И просыпаюсь: что значит сей сон непонятный?
В чём бесшабашность моя, и пропасть какая грозит?
В Полоцк ли путь мне держать, чтоб избежать
бездны московской,
Иль оставаться в Москве, ибо в Полоцке –
бездна моя?..

Иль я обычный дурак, начитавшийся
Зигмунда Фрейда,
Но не умеющий сны даже как Фрейд толковать...
27 февраля, Москва

О счастье

Под окном моим синица
 На кусту сидит давно.
 Только в руки сесть боится,
 Не летит ко мне в окно.
 Если сам протянешь руки –
 Вмиг синица улетит.
 Я привык к своей подруге,
 И она со мной сидит.
 Я ей крошки припасая,
 И она так рада им,
 Безмятежно распевая
 Песни под окном моим.
 Кто прислал тебя, синица?
 Как нашла меня, краса?
 Знаю: скоро ты умчишься
 Снова в дальние леса.
 Выйду я, мечтатель грешный,
 К облакам закину взгляд
 И увижу, как неспешно
 Журавли на юг летят.
 Путь вам добрый! – Пусть под окна
 Никогда я вас не ждал,
 Но всегда с тоской высокой
 Я полёт ваш наблюдал.
 Клич ваш гордый часто снится.
 Но зимой не страшно мне:
 Скоро вновь моя синица
 Зачирикает в окне.

26 января 1995

Каштан на Рижском взморье

Гаснут краски, блекнут дали.
 Снова ночь бежит без сна.
 В вихре мартовских печалей
 Обнажилась жизнь до дна.
 Что искал, к чему стремился –
 Всё растаяло, как дым,
 словно корень обломился
 Под каштаном золотым.
 И подёрнут сединою,
 Ранним инеем покрыт,
 Вдруг, просыпавшись листвою,
 Почернелый ствол стоит.
 Ах, каштан на взморье дальнем!
 Сколько зим и сколько лет
 Пронеслись чредой случайной,
 Заметая бледный след!
 След исчез, и стёрлись лики,
 И каштан давно уж скрыт.
 Только мальчик так же тихо
 Всё под деревом стоит.
 Зачарованный шуршаньем
 Опадающей листвы,
 Он стоит на взморье дальнем
 И всё те же видит сны.
 ...Я – старик. Смотреть легко мне
 Сквозь развеявшийся дым.
 Но чего так ждал, не помню,
 Под каштаном золотым.

6–7 марта 1994, Полоцк

Злой сонет

Травила жизнь, как свора гончих псов,
 И я, устав скакать по косогорам,
 Решил от псов не убегать с позором
 И страхи жизни спрятал под засов.

На месте кожи панцирь вдруг засох.
 Собаки кинулись, но взвыли скоро
 И без зубов скулили у забора,
 Не в силах лакомый сожрать кусок.

А я присел на пень и размышляю,
 И не пойму: я рад или не рад.
 И как мне дальше жить – совсем не знаю:

И жалко стало бедных мне зверят –
 Ведь я для них, наверно, страшный гад,
 Коль столько едоков зубов лишаю!..

10 мая 1998, в поезде «Полоцк – Москва»

Полота

Николаю Г., брату

Чем эта речка нас прельщает,
Дарующая вид холмам?
Нас каждый год она встречает,
Как будто радуется нам.

Корова вечно здесь пасётся,
И козы гложут ивняки.
Теперь уж мало кто возьмётся
Удиль у маленькой реки.

А в детстве, помнишь, в час рассветный,
Тому уж сорок лет назад.
С каким волненьем беззаветным
Мы шли в заветные места!

За каждым этим поворотом
На много вёрст в лесах, в полях
Весь день аукается кто-то,
С кем ты здесь в юности гулял.

То друг ли был, сюда случайно
Для откровений занесён?
Какие трепетные тайны
Хранит сейчас притихший склон?

И тенью легкой здесь кружатся
Подруги тех, далёких дней,
И снова я готов поклясться,
Что нет любви моей верней.

В погожий день на берег выйдем,
Чуть-чуть под солнцем постоим,
Беспечным предадимся мыслям.
А о прошедшем помолчим...

31 июля 1995, Полоцк

**К выходу 7-го номера филологического
альманаха «Литературный объектИФФ»**

Друзья мои, — поёт, звенит мотив —
И время тоже не стоит на месте.
Держу в руках седьмой наш объектИФФ
И радуюсь, что все мы снова вместе.

Четвёртый год, четвёртый год идёт,
Как мы, собравшись вместе, вдруг решили
Начать филологический полёт —
Что лучшее найдём мы в этом мире?

Ведь наш полёт — души высокий зов,
Который хочет в жизни проявиться,
Чтоб чувства, что мы прячем под засов,
В живых словах сумели воплотиться.

И чтоб все люди, кто созвучно нам
Живут мечтами, — только слов не знают, —
Прислушавшись к созвучьям и стихам,
Вдруг поняли, что слово выражает
Отчаянье, бессонные мученья, —
Когда мечта стремится к воплощенью.

И надо не сдаваться и дерзать,
Трудиться, плакать, — только не сдаваться,
И счастья на земле не ждать — искать,
И, умирая, снова возрождаться!

Вот почему мы снова собрались
На дружеский литературный вечер —
Мы в вечной дружбе вовсе не клялись,
Но знаем, что нельзя бросать на ветер
Ни истины, ни дружбы, ни любви,
Ни веры в жизнь, ни веры в силу слова,
И жить всегда с волнением в крови —
Вот наше кредо — нам не знать иного!

11.07.2017

Наша сила не на словах,
С давних пор известна она.
Наш дракон о трех головах,
У китайского – только одна.

Хватит жить чужим букварем,
Нам своих зверушек не счесть.
Под славянским календарем
Мы когда будем пить и есть?

Змей Горыныч нам с детства знаком,
Мы ему делегируем власть.
Любо будет с таким мужиком,
Не позволит он нам пропасть!

Жаром исходят камни в печи...
Баня есть богоугодное дело.
Болен, несчастен – иди и лечи
Душу, мозги или брненное тело.

И на горячем полке изомлев,
С потом прогнав суету и печали,
Веником жарким себя одолев,
В грусть и хандру ты вернёшься едва ли.

После всего, пропустив по одной,
Как завещал нам великий Суворов,
В сладкой истоме приходишь домой,
...И дожидаясь пятницы снова.

Луна не вышла на свиданье,
И я в крошечной темноте
Обозреваю мирозданье,
Но...впечатления не те.

А за окном январский снегопад,
И я листаю памяти страницы,
Которые сумели сохраниться,
Написанные столько лет назад...

Мне порой ночью
Снова не до сна.
За трубой печною
Спряталась луна.

Звёзды во вселенной
Как в немо кино.
Словно мизансцена,
Что забыл давно.

За соседней крышей
Занялась заря,
И упал неслышно
Лист календаря.

Последний погожий денёк
Встречаю на лоне природы.
Присев на замшелый пенёк,
Считаю прошедшие годы.

Набралось порядочно лет,
С тех пор, как от дома отчалил.
И в детство обратный билет
Всё чаще мне снится ночами.

Вновь под ногами жёлтые листья
Ветер их гонит по мокрой дороге.
Осень приносит грустные мысли,
Осень подводит жизни итоги.

Бес покинул моё ребро,
Съела бороду седина.
Мне осталось творить добро,
Чтобы крепла моя страна.

На зелёный иду не спеша,
Не плюю на проезжую часть.
Удивляясь, как жизнь хороша,
Тихо радуюсь – жизнь удалась!

Колышет ветер невод паутины,
Деревья зябнут в утреннем тумане.
Рисует память прошлого картины
В проёме темном, словно на экране.

Ночи всё темней и холоднее,
Дождь стучит в озябшее окно.
Одиночество по осени вкуснее,
Греет душу, как хорошее вино.

Луна, подёрнутая дымкой облаков,
По небу проплывала величаво.
А на земле под тяжестью грехов
Моя душа – кричала!

День ушедший приблизил кончину.
День грядущий подарит надежду.
Не надейся, что будет как прежде,
Всё проходит – и в этом причина.

Воспоминанья, словно вечные лампы,
Нам греют душу от отечества вдали.
А большего по жизни нам не надо.
Свою дорогу мы уже прошли.

Осенней ночью тихо и тепло,
Давно дневные страсти отзвучали...
А муха бьётся в темное стекло,
Не ведая, что за стеклом печали.

Зябкий апрельский вечер
Гонит прохожих в тепло.
С нашей последней встречи
Сколько же лет прошло?

Образ твой в памяти светел,
Только его не зови.
Не заискрит больше пепел
Нашей погасшей любви.

Схлынет печаль разлуки,
Как в половодье вода...
Я твои тёплые руки
Буду помнить всегда.

А, может быть, пора остепениться,
Поставить свечи и раздать долги?
И пить не для того, чтобы забыться,
А пить, чтоб были ясными мозги?

И на вершине этого прозренья
Вдруг, убедившись в тщетности затей,
Тотчас без тени промедленья
Вернуться снова к сущности своей?

Изгиб асфальтовой дорожки
Ведёт к широкой магистрали.
Собачка на коротких ножках
Лениво семенит в печали...

Дневная смена в воскресенье –
Простор для мыслей и соблазнов.
Неспешный чай с твоим вареньем,
Эфир прохладный полон джазом...

И на волне отдохновенья,
Под музыку осенней саги
Приходит муза вдохновенья,
И тянется перо к бумаге.

Всё от Бога, друзья, всё от Бога.
Постарайтесь не гневить Всевышнего.
И тогда будет лёгкой дорога,
И душа не потребует лишнего.

Буйствует зелень последние дни.
Охрой подёрнулись лес и поля.
Спряталось солнце в зябкой тени,
Медленной стала вращаться земля.
Не за горами декабрьский озноб,
Небо бездонное в россыпи звёзд.
Землю накроет пушистый сугроб,
И незаметно придет Дед Мороз.

За окном догорает осенний пожар,
В ожиданье мороза нахохлился клён.
Мне ушедшего лета немножечко жаль,
Наш короткий роман – словно призрачный сон.

Я глаза разлепил поутру,
Сна кошмарного сбросив дурман...
Первый иней лег на траву,
Бьётся солнце в белый туман.

Я ушёл в себя, как в запой -
Захотелось побыть одному.
И захлопнул дверь за собой,
Не открою её никому.

Буду молча сидеть у огня,
Буду умные книжки листать.
Пусть друзья потеряют меня,
И не смогут нигде отыскать.

Буду слушать задумчиво блюз,
Подливать себе в кружку вина,
И баюкать уставшую грусть,
Пусть поспит до рассвета она.

А под утро погаснет камин,
Растворится луна в облаках.
И останусь, как прежде, один.
И вернётся подруга – тоска.

Проповедник

Я стала проповедником,
Лучшим
Среди живущих,
Несу слово священное
О пустоте Вселенной,
О небытии вечном,
Одиночестве звёздном,
О том, что миллиарды
Лет световых
Разделяют этих гигантов,
А многих из них
Нет вовсе в живых.
Созвездия – видимость,
Иллюзорность, желаемое
За действительность
Выдаваемое,
За истину.
Единение звезд – условность,
И в реальности просто немыслимо.
Я – пророк пустоты,
Что меж жизнью и смертью,
Что меж жизнью и жизнью,
Что есть суть бытия.
Своею проповедью я
Выжигаю надежды
Пустые.
Я – Мессия
В пустыне.
И я – еретик.
Ибо я не верую,
Не верую!
Ибо в мыслях и в душе
Отрекаюсь
От собственной веры,
От собственных слов,
От самых основ
Своего учения.

Волнорез

Молчание было проклятьем,
Ужасная тишина
В ответ на вопрос,
От той, что солнцем
Была нелюбима.
Рыбы
Во время отлива,
Дрожа на камнях,
Кричат.
Вот, чем была
Твоя тишина.
Уж лучше ад,
Чем пустота
Сырого колодца,
Где нет смысла бороться,
Или таить обиду,
Там неуместны слёзы –
Их не видно
На дне сырого колодца.
Вот, чем была
Твоя тишина.
У мертвеца
Нет души,
Как у тебя,
Как у меня
Теперь.
Зверь
Её не возьмет.
На прилавке
Куски мяса,
Суповой набор:
Ноги, плечи, торс,
Филе и груди.
Зрачок подёрнут плёнкой,
В нём пусто,
Больше не зеркало он,
Не годен в блюдо,
Вышвырнут вон.

Лежу в кювете, на обочине
Собственной жизни.
Гляжу,
Как мимо проносятся
Годы,
Ветра,
Облака
И люди,
Клявшиеся, что рядом будут
Всегда.
Клявшиеся, что не забудут.
Они прошли мимо, а я
С головой зарываюсь
В рыжую память
Прошлогоднюю,
Где мы вместе в дороге,
Бродяги,
Поём песни,
И волосы наши – разноцветные флаги,
Белы, как паруса, одежды.
Они развевались от жара
Сердец и душ.
Мы пили лето из луж,
Мы спали, завернувшись в небо,
Как в пледы.
Клялись на крови,
Что, пусть в мир пришли
Одни,
Но умрём вместе и точка,
Сейчас, на обочине,
Знаю –
Все умирают
Поодиночке.

Сожжённый

Бродил, шатался,
в чём-то клялся,
что-то видел –
я не помню.
Только выстрел,
что оставил
полумёртвым, полуголым
на асфальте раскалённом
страстно гибели желать.
Я лежал и пил с горла,
хотел уснуть, закрыл глаза.
Но так плясали твои тени!
Так стонали в кураже!
Я им отдался без оглядки.
Был я рад, варясь в котле,
но тени-черты подхватили,
побежали, потащили,
разорвали и скормили
мою душу диким псам.
Те жевали и блевали,
а глотали – подыхали,
всех чертей пораспугали, –
тени бросились бежать.
Я к ним взывал, я их искал,
я пытался их догнать,
но было поздно,
я устал,
изнеможённый, весь в крови,
я вдруг споткнулся и упал.
Не погиб я поневоле,
думал, больше не придёшь,
в этом сумрачном покое,
жить навеки обречёшь.
Ты никак не ожидала,
крепче духа будет плоть,
страстью к ней всегда пылала,
не могла перебороть
своё безумное желание
отдаваться каждый миг,
раба извечного лобзанию
под его истошный крик.
Чтоб тело жаром растерзало,
плоть пустая умерла,
слабость ты свою признала –
стала ад палить дотла,
И вокруг всё запылало,
даже то, что не горит,
падал с неба дождь из лавы,
сыпал град-метеорит.
Ты лизала мои рёбра
адским пламенем опять,
снова дьяволовы бедра
стал невольно обнимать –
мечтал прекрасные глаза
последний раз поцеловать,
но только сладкая слеза,
что по груди твоей катилась,
на мои кровавые уста
вдруг упала и разбилась...

От счастья плача или боли,
вновь меня ты погубила,
не спросив последней воли,
в кучку пепла превратила...

ЕЛИЗАВЕТА ЗАМЫЦКАЯ

Я снова взгляну в бесконечное небо, вдохну свежий воздух беспечной Земли.
Скажи же мне, кто я? И где моё сердце? Как душу услышать, что бьётся внутри
Покинутой птицей, что рвётся навстречу манящей свободе за стенами льда?
Я снова встречаю знакомые лица, на карте чертою совожу города,
Сбегая туда и сюда, и повсюду мне слышится рокот бескрайних морей.
На север с кристальными горными высями ласково манит проказник Борей.
Спасти от людей, от судьбы, от несчастий, от добрых намерений с грустным концом.
Мне солнечный свет заменяет объятия, в далёких лесах обрету я свой дом.
Опять потерявшись в забытых надеждах, в людских пересудах, в фальшивости слов,
Я миру откроюсь, и сердце шепнёт в озарении радостном – вот он, твой Бог:
В глазах благодарных бездомных животных, согретых добром и твоей теплотой.
В рассветных лучах и палитре заката, пронзающих вены своей красотой.
В простой детской книжке, забытой на полке, с цветастой обложкой и добрым концом.
В преданьях Морфея из греческих мифов, чьё царство чудес возрождается сном.
В луне и созвездьях, в цветах и деревьях, в печальных романах и силе стихий.
К желанному счастью найду я дорогу, плескаясь на линиях периферий.
Бросаясь опять с головой в тёмный омут размеренной жизни и трудных побед,
Ты помни о сердце – оно не оставит тебя в столкновении с тысячей бед.
Навстречу душевности ласковых мыслей раскроет секреты доверчивый мир,
Тебя относя на крылатых мелодиях в край вдохновения, сил и любви.

Постой, мой милый друг, мой странник. Под веткой лунного жасмина
Я расскажу тебе поэму о жизни, полной красоты.
Ты слышишь? Песнь ночного мира играет ярче клавесина.
Присядь. Я соберу частицы твоей расколотовой мечты.

Переплетя с тобою пальцы под сонмом звездной колыбели,
Мотивом нежной кантилены я прикоснусь к твоей душе.
Я разукрашу твои плечи мазками мягкой акварели,
Где растворятся мгла и страхи, словно в церковном витраже.

Я научу тебя быть птицей, парящей на белёсых крыльях,
Врываться в храмы лесных духов и превращаться в первый снег,
Слышать гармонию надежды и осыпать невзгоды пылью,
Летающей с ветром по твоим дорогам в тысячи парсек.

Я стану ангелом рассвета, несущим радости и грёзы
В осколках первых поцелуев и серенад ночной тиши.
Лишь только будь самой любовью, развей в ветрах людские слёзы,
Согрей весь мир своим сияньем и красотой своей души.

Я буду слышать все молитвы, я буду рядом, верь, мой странник.
Но, дотянувшись до последней, до самой сладостной звезды,
Ты вспомни весь свой путь жестокий, Вселенной доблестный охранник,
И ты поймёшь, что сердцем света и доброты всегда был ты.

Посвящение тракторам

Чуть свет в окно – как над бескрайним полем
Едва заметно выпустив дымок,
В работу рвётся, собран и спокоен,
Невзрачный трактор – друг и хлебороб.

Впряжён в плуги, заправлен до отказа,
Обслужен до последнего болта,
Послушно выполняет он приказы,
Что отдали смещения рычага.

И день за днём, въедаясь в плоть земную,
Он тащит этот непосильный воз...
Не ждёт похвал, не спит и не тоскует,
Проваливаясь в пропасти борозд...

Не скор на бег, и глаз не привлекает,
Шумит порой, как дымный пароход,
И кто же его, бедного, поставил
На неуклюжий гусеничный ход?..

Дымит труба, да лязгают шарниры,
И траки так натуженно гудят,
Как будто танки Т-34...
Сквозь Брест и Минск, Москву и Ленинград

Шли строим в строй, не глядя на погоду,
По всей Европе побывав в гостях,
Нам принесли победу и свободу,
Но путь свой проложили на костях...

Теперь же место им на постаменте,
А трактору – на выжженных полях.
На хлебный труд, что всех важнее на свете,
Почётно выпускается в наряд...

Но день придёт – и поутихнут траки,
На сталь плугов чуть бросит солнце свет,
В последний раз глотнув сто грамм солярки,
Уставший, он взойдёт на постамент...

*Моему деду, Бекишеву Евгению Никифоровичу
(25.08.1932-15.10.2017)*

Лесовозы выходят на рейсы
В тишину непроглядной тайги,
Колей, словно поезд по рельсам,
Среди стен изумрудной хвой

Чуть крадутся УРАЛы и МАЗы,
На спине волоча тяжкий груз:
При погрузке казалось, что мало,
Но на деле легко перегнуть...

Тем не менее, рейс не отложишь:
Ожидает сырьё лесопункт,
Пусть и тяжело, мотор тихо стонет,
Но тягач продолжает свой путь.

Лес нам дарит тепло, и мгновенно,
Мачты сосен срубают до пня
Что получше – уходит на стены,
Что похуже – в объёты огня.

Так бывало всегда, и так будет,
До тех пор, пока кружит земля:
Дом метель ни за что не остудит,
Не пробьётся сквозь стены пурга.

И водитель, руль гордо сжимая,
Выезжает из чащи лесной,
А другой его тут же встречает,
И скрывается той же тропой...

Дав мотору немного прогреться,
Вновь шофёр взгляд уставит в стекло:
Лесовозы выходят на рейсы –
Лес опять дарит людям тепло...

Московские окна

Я видал городов много разных,
По чуть-чуть там и там побывал,
А Москвы вот не видел ни разу,
Хоть и много о ней разузнал...

О кремлёвской стене неприступной,
О соборах, о белых камнях,
И о славе её неподкупной,
Заработанной в лютых боях...

Но одна вещь мне там так знакома,
С самых что ни на есть детских лет
Золотые московские окна,
Где горит негасимый тот свет...

Каждый раз слышу ноты той песни,
И, как будто, пред ними стою...
Эх, когда-нибудь, утром воскресным
Я и правда на них посмотрю...

Погуляет игла патефона
По пластинке, затёртой до дыр.
Вновь играют «Московские окна»,
Вновь приходят московские сны...

И, когда с ностальгией на пару
Вспоминаются мне эти сны,
Снова я расчехляю гитару
И люблюсь на окна Москвы...

Не верить, не надеяться, не ждать,
Убить в себе последний лучик света,
Беззвучно и натуженно кричать,
Познав печаль банального ответа...

Оставить всё как есть спокон веков:
Нетронутым, невинным, одиноким,
И день за днём метаться вновь и вновь,
Какой бы шаг был более жестоким?

Не сделать вдох, не выдохнуть назад,
Не слышать шум волны и звон дождливый,
И не поймать один, особый взгляд,
Священный, неподкупный и не лживый...

Спросите: адресовано кому?
Но, поспешив, себе не отвечайте.
Коль всё это, как мне, Вам ни к чему,
То дальше первой строчки не читайте...

Я построил макет из картона,
Чашкой чая разбавив печаль.
Типографское злато собора
Мне открыло безмерную даль

Всех тех лет, что минули с мгновенья,
Когда купол, увенчан крестом,
Одолел все былые строенья,
И застыл над Дворцовым мостом...

Поднимаю глаза к небосводу
И не знаю, каким же словам
Мне доверить хвалебную оду
Вам, маэстро Огюст Монферран?

Как собрать воедино величье,
Красоту и застенчивый шарм,
И при том, не оставив на лице
Петербурга уродливый шрам?

И ответ мне пришёл от макета:
Посвятив ему час с небольшим
Я закончил постройку за вечер,
А у Вас ушла целая жизнь...

И собор, не теряясь во мраке,
Над Невою возвысится вдруг...
У меня есть свой личный Исаакий,
Настоящий забрал Петербург...

Как перо скрипит по чёрканной бумаге,
Умоляя будто сделать перерыв,
Так писатель жадно с чувствами играет,
Заключая в тесный кокон слов и рифм...

А чернила высыхают, словно листья,
Облетающие с клёна в сентябре.
Суетятся и в тупик вгоняют мысли,
Позавидует старуха на одре...

И когда к концу подходят эти муки,
Растрепав перо и душу развернув,
Так за дело вновь берутся чьи-то руки –
Начинается у книги новый путь...

Так о многом осень нам напоминает:
Как, с того же клёна, жёлтая листва,
Вдруг ожившие страницы вылетают
Из-под валиков печатного станка...

А потом их запирают в переплёт,
В ряд на полках, среди пыли и тоски...
Но раз кто-то спрятал чувства под обложку,
То кому-то суждено их отпустить...

Последний поход

Командир поднимается в рубку,
Ловит взгляды матросов к себе.
В лёгкий пот опускаются руки,
Те, в которых судьба на судьбе...

Выбран курс и проложен фарватер,
Порт приписки помашет рукой,
Гладь морская при свете заката
Станет крышею над головой.

... Полукруглые своды метала,
Ветхих коек заносчивый скрип...
Экипаж засыпает устало –
Он к такому порядку привык...

Рассекая морские просторы,
Лодка вновь совершает поход,
Хоть и резво стрекочут моторы,
Каждый час превращается в год...

Нет морщин на лице командира –
Напряженье сковало лицо,
Темнота в один миг охватила
Неказистый, подводный их дом...

На всевидящем оке радара
Полоса вдруг оставила цель,
И печальный отсчёт до удара
Мчит вперёд всё быстрее и быстрее...

А закаты уже багровеют –
Солнце тоже уходит ко дну...
Одинокие жёны вдовеют,
Повторя молитву одну...

...Как матросы её повторяют,
Онемевшие, сжав кулаки...
Субмарина уходит с радаров,
В мир холодной, морской пустоты...

Командир внесёт запись в журналы,
Чиркнет роспись и час по Москве.
Это всё, что ему оставалось,
Что он может позволить себе...

Через годы, на прежних широтах
Пробивается рубка сквозь лёд –
Вновь идёт на поверхность подлодка
В бесконечный, последний поход...

Посвящение Бресту

Город, в котором когда-то
Густо сияли сады,
Странные, злые раскаты
Подняли вдруг на дыбы...

Кровью окрасились реки,
Тяжко вздохнула земля,
Брест изменился навеки –
Так начиналась война...

Стен неприступных молчанье
Стало похожим на крик.
Пушек густое рычанье
Смерти развяжет язык...

Небо разорвано в клочья,
Воздух порочен, как яд,
День обращается ночью –
Здесь поселилась война...

Брест не откроет ворота,
Гонит незваных гостей,
Молча вздыхает пехота,
Чёрных царица полей...

Время залечит все раны,
Солнце зайдёт до утра...
В Бресте гремят барабаны –
Так умирает война...

Штык, убегающий в небо,
Грустный, немой монумент...
Память петляет по следу –
Руки ласкают цемент...

Вдруг, среди стен неприступных,
Мысль приходит одна:
Тенью воскресного утра
Здесь также бродит война...

Полночь

Что ж, ну вот и приближается уж полночь,
Приключений затихает кутерьма,
Но надеюсь я, что этот день я вспомню,
Через месяц, через год, через года.

Пролетает время в бешеном задоре,
Мы становимся всё старше и мудрей.
К нам заходят в гости счастье, радость, горе,
Ну а мы их всех встречаем у дверей.

Так ведь было, есть и однозначно будет,
Нам не по плечу сбить ход простых вещей,
Кто был прав, кто виноват – судьба рассудит,
Лишь бы было с чем явиться в гости к ней.

Ну а там – как повезёт, как разрешится,
И, пожалуй, справедливей не сыскать.
Остаётся отрицать иль согласиться,
А потом, однажды, заново начать...

И опять пройдем похожую дорогу,
А за ней, стремглав, поскачем по другой.
Что ж, надеюсь, на подходе к эпилогу
Кто-то с гордостью последует за мной...

Когда артист выходит на поклон,
Когда стихают музыки раскаты,
Как будто царь в сердцах бросает трон,
Забыв про тяжкий быт аристократа...

На зал находит сладостный экстаз,
Болят ладони, сбитые до дрожи,
Артист упустит пару слёз из глаз
И пот течёт по огрубевшей коже...

Цветы по сцене, словно по крыльцу
Разбросанные в ссоре ненароком,
Как бритва, свет ударит по лицу,
Но нужно подставлять вторую щеку...

Аплодисменты не дадут хандрить,
А зритель не позволит удалиться -
Хотелось бы их всех благодарить,
Но каждому не выйдет поклониться...

Артист устал, он дышит и молчит,
Блуждая в бездне зрительского шума,
И только, обнажённая, кричит
Душа из-под концертного костюма...

Этюды в золотых и розовых тонах

Первый снег оттеняет мне золото розовым.

Возьму-ка мольберт в это утро морозное,
Нарисую-ка ленты я косам березовым.

По березовым косам упрыгали желтые
кошки, –
Их следы и остались на ветке-дорожке.
Листья мелко шажками взбираются к небу,
Я хочу передать их прозрачную негу.

Шепот их чист и весел, –
Кто их развесил?
Развеселил?
Золотом листья облил?

Эти желтые кошки войдут в мои вещие сны.
Их следы наберутся воды из холодной Двины,
А пока их носит, как конфетти, ветер на
берегу,
Ну и я между книжных страниц немножечко
сберегу.

Вчера после обеда встретила в лифте соседа.
Улыбка к улыбке – и завязалась беседа.
Он нёс ароматных в крапинку яблок корзину
Дочке своей шаловливой, и баловню-сыну.
Розовы и легки, как моя благодарность,
Когда я в обе руки принимала подарки,
Как же во рту они тают – золото урожая.
Всё соберут, а снег на земле останется.
Прямо в руках – не в кармане,
Так и несу их маме,
Она у меня –красавица,
Золотоволосая,
С длинными косами.

Золото куполов Богоявленского Собора,
Золото священнического убора,
Нежные лики свечек,
Под курткой – озябшие плечи,

Замерзшие детские руки,
Тянущиеся к двери –
Отец, отопри!

Счастье...
Любовь, теплота и участие
На сколько мгновений продлятся?

Счастье...
Оно, как поющая птица;
Крылом на лету прикоснётся,
И сердце проснётся...

Счастье...
Как сквозь непогоду и тучи –
Единственный лучик, –
В секунду исчезнув,
Оставит надежду.
Счастье...
Мгновения
Соприкосновения.

Питерский туман

Я потерялась в тумане:
Чужды дома мне и люди.
В этом природном обмане
Радости нет и не будет...
Чужды дома мне и люди,
Я потерялась в тумане.

Руку подайте заблудшей,
В света кружок отведите.
Станет светлее и лучше,
Тихо со мной походите...
В света кружок отведите,
Руку подайте заблудшей...

В сером пространстве теряюсь.
Время беспутное года.
Сумерки кутают тесно:
Снег и туман – непогода...
Где же я, мне интересно?
В сером тумане теряюсь.

Яркое солнце наутро
Сменит туман и унылость.
Мир ведь устроен так мудро,
Солнце – как Божия Милость.
Яркое солнце наутро
Сменит туман и унылость.

Никто не боится. Боится каждый Никто.
Сложились напрасные страхи в мозаику чисел.
Изнанкой просеяло жизненное решето
и всех поделило: кто праведник, кто зависим...

Никто и не верит. Кишит муравейник слов,
пытаясь найти того, кто на слух побогаче...
И в поисках смыслов, где пролито сто потов –
по кругу Судьба цирковой кобылой скачет!

Никто и не просит. Уже наделён сполна!
Уже научился прощать или ненавидеть...
Забава у Времени – вырваться дотемна,
чтоб новым рассветом по горло толпу насытить...

Напрасно бросает Создатель гроши в шапито –
никто не смеётся, не плачет... Не платит никто.

Все умерли. Спасибо за игру

*«Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден».*
Б. Ахмадулина

Все умерли.... Спасибо за игру...
Банальщины про занавес не будет.
Я без друзей проснулась поутру –
где больше не звонят и не иудят...

Зачем-то долго расширяет грудь
и этот ливень, и рассвет напротив...
Ах, мне бы маленькой себя вернуть
себе навеки, отводворотив ...

Спокойно спите, милые друзья!
Пишите тексты и читайте мантры.
Лишь вам, поэтам, во вселенной «Я» –
одно местоимение – в таланты !

Вчера многоголосой была...
А ночью – предначертано и мудро –
черновики я стерла добела,
чтоб слушать ливни за окном наутро...

Хватило бы на каждый камень
дороги «Полоцк-Воронеж» –
моей тоски! Вбивать руками
насколько утоптать ты сможешь –
и этот руль, педали, ноги –
в зовущий зев земли – до сути...
Застыли в полузева боги...
Завязли черти на распутье...
Освободи! Провоем вольно
со мною этот путь неблизкий.
Мне поле стало – слишком больно
и небо стало слишком низким...
Располовинили – до детства,
двойной сплошной насквозь прошли...
Дороги – безысходность бегства,
чтоб думали, что будто жили...

Молитва

Бога, который молчит,
прошу молчать....
Не было голоса – нет, и не будет,
значит....
Только б не перестать...,
не перестать...
кошку учиться гладить,
когда та плачет,
в доме, который не строил Бог, –
ходить,
просто вдыхать пантеоны вещей
уютных,
что-то в двухсотый раз безмолвно
мыть,
помня про всех низверженных и
Абсолютных...
только б не перестать
не перестать...
мерить пространство комнат
сердечной дробью
и находить себя, ища кровать,
брошенным чистым листом –
у изголовья,
только бы ждать тебя и тишиной –
– красной сухой – запивать наш ужин
мерно...
Что от того, что сидишь ко мне спиной, –
Значит – иду за тобой, и, значит –
верно.
Бога, который молчит, – распять
внутри...
Чтобы потише стало
хоть немножко....
Что от того: говори –
не говори...
Только бы строился Дом и...
молчала кошка...

ПРОЗА

ЕВГЕНИЙ КОЗЮЛИН

ЭКРАН

«Совершай насилие, совершай насилие над собой, насилуй себя саму, моя душа; но после у тебя не будет времени ценить себя и почитать. Ведь всего одна, одна-единственная жизнь отпущена каждому. Для тебя она почти на исходе, а ты всё не считаешься с собой и действуешь так, будто дело касается посторонних душ. Однако те, кто не следует за движениями собственной души, неизбежно несчастны».

Марк Аврелий

Где ты? Где твои мечты? Где твоё я?

Ты в экране, ты растворился в нём, и всё внимание приковано к нему. Может звучать музыка или кто-то двигаться рядом – это не окажет никакого влияния – ты в том мире, в котором хочешь быть в данный момент. Ты знаешь, что растворился в нём. Существоешь, живёшь и даже паришь. В общем, делаешь, что хочешь. Ты ощущаешь себя там свободным от надоедливой реальности. Дайте возможность, и ты поселишься там.

Реальная жизнь. Сегодняшние город, улица и двор. Люди идут, сидят, лежат, держа в руках экраны, точно окна в виртуальный мир. Они не связаны с реальным миром. Они подвергают себя опасности. Они уверены, что за их сохранность будут отвечать другие, кто вне экранов. Они ответят, а тебя может быть уже и не будет.

Иногда, отрывая взгляд от своих экранов, мы замечаем, что реальность меняется не в лучшую сторону. Мы даже можем принять эту реальность за «большой виртуальный экран». А если так, то и правила этого экранного мира будут применяться здесь и сейчас. Стоит ли идти по этому пути?

Для начала попробуй прочувствовать реальность в любом её проявлении. Сразу всё прояснится. Будто спадает пелена, нагромождённая множеством миров экранов, в которых ты пребывал, существовал и даже жил.

Ощувив разницу, когда весь мир начнёт разговаривать с тобой всем многоголосием и всеми цветами жизни, тогда и произойдёт то неизбежное открытие настоящего, подлинного и искреннего.

Попробуй на вкус реальный, первый выпавший снег...

ТАМАРА НИКОЛАЕВА

ПРО ЧЕМОДАНЫ

Мы как раз шли домой от тётки Ольги с озера Палик, и объявили о начале войны. Пока мы оттуда пришли, батька пошёл в военкомат, и в армию. А он был не призывник, колхозник, им руки-ноги нужны были. Потом, когда мы с Палика пришли, первым долгом он зарезал большую свинью. Всё равно немцы заберут, или партизаны, а это всё-таки себе. И стал дома ждать, назначенного времени, когда ему на следующий день появиться. А получилось так, что ничего он не дождался.

А ещё брат его в деревне Нача работал фельдшером, жена у него была туберкулёзная, а у него любовница была, Домна, а фамилия Подкатик. Через эту Домну дядька Андрей не хотел идти в армию. Фельдшером работал, любил его, людей устраивал. Потом всё-таки как-то получилось, что его русские судили за то, что не пошёл в армию – и семьи не было, детей не было, никого не было, а он... В армию он не хотел, потому что любовницы были кругом.

Когда жена дядьки Андрея померла, он уехал в Германию, женился там на красавице, но не на местной, на русской, рабочей, а когда обратно приехал, привёз чемоданы с одеждой. А дядька Андрей, он такой был, брат его на год старше, а он, когда просил, по имени-отчеству обращался, говорил, Левон Ильич, окажи услугу. И батька эти чемоданы хранил. Там ещё были костюм и китель, по размеру как раз на него, так батька сам себе за хранение заплатил. Потом, когда чемоданы отдавал, пришлось вернуть, неприятно было, но дядька Андрей дал ему за хранение два рулона ткани.

Когда батька пришел домой потом из военкомата, свинью засолили, потушили, у деда нашего столько было шуралей, что-то около десятка. А этот Андрюша всё сало перетаскал из дома, всё - в чемоданы, в ящики прятал, тайком ел. Батька в армию пошёл, а Андрей - в тюрьму, и дали ему срок то ли десять, то ли пятнадцать лет за отказ от службы в армии. А какая там служба, если же война.

Так вот, батька пришёл домой, а в это время дядя Саша с партизанами шли на подрыв железной дороги. Дорогу подорвали, чемоданы все пораскиданы были. И батька наш принёс домой большущий чемодан одежи, война же, нигде ничего ни купить, ни взять. Там, между прочим, был рулон материала – белый ситец в малюсенький цветочек и длинное пальто, цвет темно-синий, а воротник тёмный. Пальто, – батька сказал, – никому. Тамара растёт, и раз уж досталось оно, пускай будет.

ИРИНА АНДРЕЕВА, СЕРГЕЙ ШИДЛОВСКИЙ

СКАЗКИ О ЗЯБЛИКЕ И ВОРОБЫШЕ

Зяблик и Воробыш: знакомство

Зяблика звали Фьютя. Он проживал по адресу Соловин ручей, деревня Экимань Полоцкого района Витебской области в Республике Беларусь. Летом Фьютя часто летал с родителями на дачу в Бебечкое Полоцкого района. Зяблик любил маму, папу, и ему нравилось есть букашу.

В июле Фьютя отправился в пионерский лагерь Бобрёнок на озере Нарочь. Там работали знакомые ребята-вожатые из Полоцкого государственного университета. Это были студенты, которых за хорошую успеваемость распределили работать в Бобрёнок. Одним из них был отличник и общественник Арсений.

С Воробышем Зяблик познакомился так. Однажды Фьютя наблюдал за кормушкой в надежде услышать и разучить новую трель (он был ещё молод и искал свою песню, с удовольствием изучая возможности своего голоса). Вдруг на середину кормушки, растолкав других птиц, плюхнулся растрёпанный комок. Одно пёстрое пёрышко победоносно торчало у него на голове, как у вождя индейцев.

Птицы на кормушке возмущенно вскрикнули – каждая на свой лад. Фьютя знал до этого только сердитый сигнал «бьюз!», который использовали папа и мама, когда он их выводил из себя (такое бывало не часто, Зяблик был очень воспитанным). А тут он записал на подкорку множество возмущённых и агрессивных возгласов, что очень обогатило его словарь эмоций.

Комок между тем встряхнулся и стал похож на небольшого воробья. Он настороженно рассматривал Зяблика.

– Привет, ты кто? – дружелюбно спросил Зяблик (хотя он и был немного напуган, мама научила его быть всегда вежливым, даже с такими странными незнакомцами).

– Я Воробыш, – надменно, однако с тревожными нотками в голосе, чирикнул пришелец.

– Воробыш? Ты, наверно воробей?

– Нет, я Воробыш. Так меня зовёт мама. Полным именем – и никак иначе. И я хочу, чтобы так меня звали все.

– Кто, все?

– Ну ... вот хотя бы ты.

– Что ты здесь делаешь, Воробыш?

– Прослышал от друзей, что здесь угощают булочками. Я очень их люблю.

Фьютя знал, что о булочках на кормушке не идёт и речи. Её устроил друг Зяблика Арсений, который тоже очень любил всякую выпечку (надо же, какое совпадение!), но не любил её начинку. Поэтому он угощал птиц сушеным виноградом и кунжутом, который выковыривал из булочек. Фьютя не обижался на Арсения за это: осуждать человека, который построил кормушку и кормит птиц, причем довольно вкусными вещами, некрасиво. Но и вводить в заблуждение нового знакомого тоже некрасиво.

– Нет, здесь только изюм от булочек и другая их начинка, – честно признался Фьютя.

– Тоже ничего. Лучше, чем ничего, – философски произнёс Воробыш и закашлялся, поперхнувшись кунжутным зерном. – Постучи меня по спинке – и всё будет как картинка!

– А ты шутник! – вырвалось у Зяблика.

– А ты модник какой! – парировал Воробыш. – В нашей деревне тебе бы нащипали хвост за это!

– За что? У вас одеваются по-другому?

– Настоящий пацан носит милитари. Он не выделяется, и это удобно. Запомни, – поучительно сказал Воробыш.

– Удобно для чего?

– Прятаться удобно. Вот смотри.

И Воробыш, нырнув вверх, буквально растворился в кроне дерева. Как ни старался Фьютя, он не мог его найти. А потом Зяблик едва не свалился с ветки, когда кто-то хлопнул его по затылку. Это был Воробыш, вылетевший совсем с другой стороны. Как он туда попал, Зяблик так и не понял.

Воробыш опять шлёпнулся рядом, встряхнулся и огорошил Фьютя вопросом.

– А ты что вообще умеешь? Только наряжаться?

Фьюти хотел было обидеться, но тут... Все получилось само собой. И Зяблик запел. Это были знаменитые радостные «фьюти» вперемешку с добрыми «чиньк»¹ и смелыми «тюп»², приправленные переливами соловья, нежными трелями зарянки и щёлканьем сороки. Воробыш так не умел. И сразу зауважал нового знакомого. Он вообще-то любил музыку, которая никак не вязалась с его суровым видом, – птичью классику. А кроме того Воробыш чувствовал, что раз от пения Фьюти теплеет в сердце, то он добрый и ему можно доверять. Так началась дружба Зяблика и Воробыша.

Белочка Фуфа. Что такое разговаривать по-настоящему?

В живом уголке лагеря Бобрёнок отдыхали и другие животные. Фуфа была пухленькой белкой с косой рыжей челочкой, из-под которой блестели задорные зелёные глаза. Она носила короткие розовые шортики в белый горошек и шляпку к ним в тон.

Фуфой ее прозвали потому, что когда ей было жарко, а жарко летом и в помещении в шубке ей было почти всегда, она вытирала мохнатой лапкой пот со лба и говорила: «Фуу-ф!».

Белочка Фуфа была довольно ленива, как считали в живом уголке. Например, она никогда не вертела беличье колесо.

– А как же его вертеть? – время от времени вопрошала Фуфа. И дальше рассказывала «страшную» историю. – Однажды я забралась в него, а оно как затрещит. Как будто сотня грецких орехов разом раскололась. Сразу видно – новодел. Вот раньше были колеса, мама рассказывала. Всю жизнь можно было пользоваться. А талия какая тонкая у белок-девочек была... Да и вообще я мечтаю об эллипсе. Вот купите мне эллипс или на худой конец беговую дорожку – тогда и буду заниматься. Колесо для белки – прошлый век.

После своего очередного выступления Фуфа запускала лапу в карман своих симпатичных шортиков – и там что-то находилось вкусное, орех, семечки или даже кусочек шоколадки. Откуда оно бралось, для всех оставалось секретом.

В общем-то, белочка была довольно любопытна в том, что касалось еды, а также жизни других зверей. Но она никогда не сплетничала, ей нравилось хранить чужие секреты (она называла это «носить секреты»).

Иногда она как бы замирала и становилась совсем грустной. Когда она уходила в себя, то опускала глазки долу, и тогда становились видны пушистые темные реснички.

– Почему ты грустишь? – спросил однажды Зяблик, которому хотелось всех видеть весёлыми.

– Всё потому, – ответила белка, – что нет у меня друга. Где тут белк? Ан нет, не озаботились.

«Не озаботились» – были её любимые слова. Саму Фуфу постоянно кто-то или что-то заботило.

– Ты красивая. Вот реснички как нарисованные, – не зная, как продолжить разговор, сделал комплимент Фьюти.

– Натуральные, – гордо и протяжно произнесла белка, на миг выходя из себя. – Но кому это интересно?

– Мне интересно. Я хочу с тобой дружить, – уверенно сказал Зяблик.

– Тебе моя внешность интересна. А мой внутренний мир? Ты знаешь, какой он глубокий?

– А что там на дне? – подлетев, спросил Воробыш.

– На каком дне? – ошарашенно спросила Фуфа.

– Твоего внутреннего мира? Орешки всякие или семечки? – сыронизировал Воробыш.

– Тебе не понять! – высокомерно заявила белка. – У тебя голова маленькая. И выглядишь ты как Аника-воин.

Воробыш, надувшись, отвернулся. Кто такой этот Аника, он не знал, но догадался, что о нём сказали что-то обидное.

– А почему ты думаешь, что твой внутренний мир глубже нашего? – спросил Зяблик.

– А потому что я ростом побольше, – не растерявшись, сказала белка.

– Но разве твой рост мешает нам дружить?

– Мешает не рост. Скучно мне с вами.

– А откуда ты знаешь, что скучно? Разве ты когда-нибудь по-настоящему с нами говорила?

– Что значит: говорить по-настоящему? О видах на погоду или о каше из букаши? Ерунда всё это, – белка, зевая, начала поворачиваться к Зяблику спиной.

– Я не знаю точно. Но родители мне объясняли, что это значит делить все чувства пополам, и радость, и печаль, – спокойно произнес Фьюти.

– Это как их делить? Расколоть что ли, как орех? – белка вмиг повернулась к Фьюти хитрой мордашкой.

– Нет, не так. Когда тебе плохо, ты рассказываешь другу о своей печали, и она становится вполонину меньше, а когда хорошо – смеёшься вместе с ним, и радость в два раза больше становится.

– Этого не может быть! – Фуфа стукнула лапкой по шишке, та отскочила.

¹ Дружественный сигнал у зябликов.

² Сигнал взлёта.

– Давай попробуем! Поделись своей печалью, – мягко сказал Фьюти.

– Ну, давай. Вот сегодня в меня ребята из Дерзкого сада арбузной коркой кинули. Шубку испачкали. Еле отчистила, – в глазах Фуфы, словно искорки, блеснули неожиданные слезинки.

– Ты всё еще расстроена? – спросил Фьюти.

– Да, когда вспоминаю об этом. Обидно ведь, – опустив голову, почти прошептала белка.

– Конечно, обидно. А что ты видишь, когда вспоминаешь об этой неприятной ситуации?

– Вижу большое грязное пятно на своей рыжей шубке.

– А теперь дай мне лапку.

Белка неуверенно протянула лапку. Зяблик пожал её своим ярким крылышком и сказал:

– Ты очень аккуратная белочка, у тебя чистая, нарядная шубка. Ты красивая и хорошая. Как теперь себя чувствуешь?

– Лучше. Теплее стало, как будто солнышко пригрело. И пятно на шубке в моем воображении почти исчезло. Ой, к тебе наверно, половина моей печали ушла, – удивилась Фуфа?

– Она не ко мне ушла. Печаль от тебя ушла. Мы её отпустили вместе.

Воробыш всё это время сидел в отдалении, опустив голову и сосредоточенно ковыряя лапкой песок. Создавалось ощущение, что он что-то потерял и теперь ищет.

На самом деле он боялся потерять дружбу Фьюти и, честно говоря, ревновал его к новой знакомой. Вдруг Белка, тряхнув озорной челкой, быстро прыгнула по направлению к Воробышу и протянула ему лапу.

– Извини меня за Анику-воина. Ты не хвастунишка, ты на самом деле смелый. Давай и с тобой дружить. Поделись со мной радостью.

Воробыш перестал дуться и потёрся крылышком о лапку Фуфы.

– Вчера я большущую радугу видел после дождя. От одного края озера до другого, представляешь? Сажу на песке, клюю семечки от цветов и вдруг радуга – как засветится разными цветами. Я даже всех их и назвать не смогу. Хорошо было!

Фуфа закрыла глазки и, сложив лапки на животе, попыталась увидеть радугу. Она хорошо представляла себе разные цвета, даже тот, трудноуловимый, который обычно называли «серо-буро-малиновым». Радуга перед глазами переливалась, сверкала, вспыхивала и гасла в туманной дымке. Надо же, как красиво. И Фуфа улыбнулась, потому что радость в отличие от печали не ушла, она осталась. И её стало больше.

ЮЛИЯ КАМИЛОВА

ПЛАМЯ ОТВАЖНОЙ ДРУЖБЫ

Каждый день олень приходил к одному дому, где на лужайке его ждал дымчатый кот. Он знал, что его лесной друг непременно пришёл бы, ведь уже целый год продолжалась их дружба. Хозяева не были против, хотя по началу сильно удивлялись. Олень и кот. Кто бы мог предположить такую удивительную дружбу между столь разными животными.

Арас, ты пришёл.

Да, как и всегда.

Кот встал, чтобы поластиться об тонкие и изящные ноги Араса. Это стало традицией, которую никто не смел рушить. И лишь после этого Арас ложился на мягкую траву, оставляя место между передними лапами для пушистого друга.

– Одуванчик, где ты? – маленькая девочка в лёгком сарафане выбежала из дома, разыскивая своего любимца. – Вот ты где! С другом, – она широко улыбнулась и села рядом. Оленья она не боялась, ведь он почти стал членом семьи. – А я тебя хотела рыбкой покормить.

Одуванчик, как его называла хозяйка, боднулся об руку девочки и благодарно мяукнул. А затем он махнул головой на Араса. Без слов малышка всё поняла и, улыбнувшись, ушла восвояси. Она не хотела мешать друзьям. Всё равно Одуванчик потом возвращался домой, и весь вечер он был в её распоряжении.

Одуванчик? Почему Одуванчик?

Маленьким меня нашли в одуванчиках. Я же не могу сказать им своё имя, данное природой.

Я пытался. Давно.

Верю, но людям не понять наши имена, Недер Куиль. Слишком сложно.

Недер фыркнул и свернулся клубочком. Арас осторожно лёг рядом, больше ничего не говоря. Им не требовалось, как людям, всё облачать в слова. Друг друга они понимали, просто будучи рядом. Это та

возможность, которую люди утратили очень давно. А жаль, ведь можно было быть намного экономнее в словах, и они не утратили бы свой смысл и силу.

*Мне пора, Недер Куиль. Лес зовёт.
Удачи, Арас. И пусть Он присмотрит за тобой.*

Арас наклонился и позволил Недеру лизнуть его в нос. Затем он ушёл так тихо, словно это был олень-призрак. Выждав минуту, Недер пружинисто прошёл по траве к дому. Там ждала его вкусная свежая рыбка, от которой зелёные глаза кота засияли счастливым блеском.

Следующий день выдался дождливым, но Недер ждал на крыльце дома, стоя ровно под козырьком. Он вглядывался в тёмный густой лес, пытаясь отыскать взглядом знакомую светло-коричневую шерсть. И стоило только её приметить среди листвы, как Недер тут же устремился к Арасу. Знакомые тёплые карие глаза улыбались, а Недер привычно поласкался о ноги оленя.

И вот однажды Недер, несмотря на погожий летний день, совсем растревожился. К миске с молоком он не притрагивался с утра, а сам он ходил взад-вперёд по лужайке. Маленькое сердце сжималось от некоего предчувствия, которое заставляло сходить с ума Недера от неизвестности. Лишь солнце коснулось горизонта, словно ветер, Недер побежал в лес.

Арас не пришёл.

Билось в его голове панической мыслью. Такого никогда не было прежде. Никогда!

Недер совсем позабыл о внимательности и бежал скорее-скорее вглубь леса, откуда шёл еле уловимый запах Араса.

Чутьё не подвело его, и перед зелёными глазами скоро предстал измученный зверь, угодивший в человеческую ловушку. Железный капкан обхватил своими мерзкими зубами тонкую ногу Араса, не отпуская его.

Арас совсем обессилел. Он даже не почувствовал прихода *друга*. Да и вырваться он больше не пытался. Слишком устал. Лишь рваное дыхание выдавало, что в нём всё ещё теплилась жизнь.

Арас.

Недер побежал к нему. Он знал, что только беда могла помешать ему прийти. И как же кот хотел, чтобы предчувствие обмануло его, но, увы, Арас действительно попал в беду.

Арас!

Он тёрся об ноги, не заботясь о том, что его дымчатая шерсть испачкалась бы в крови.

*Недер Куиль?..
Недер...
Не...
Тише. Не говори ничего. Береги силы.*

Он ласково лизнул оленя в нос и взглянул в мутные карие глаза. Арас с трудом держался в сознании.

Держись. Я скоро вернусь. Дождись меня, Арас.

Увидев слабый кивок, Недер поспешил обратно, домой. Нахватав ещё больше колючек, он был больше похож на бездомного дикого кота, который не знал ни любви, ни ласки. Но он знал! Поэтому он забежал домой и жалобно замыкал хозяйке, которая готовила ужин на кухне.

Арас! Арас в беде!

Вопило всё его существо, пытаясь достучаться до человеческого создания, но женщина слышала лишь громкое «мяу».

— Одуванчик, ты проголодался? Боже, да где ты так извалялся? Это что? Кровь?..

Но стоило ей протянуть руку к Недеру, как он отпрыгнул прочь и замыкал с новой силой. Его состояние сейчас было не важно.

Почему же вы, люди, не понимаете нас?

Он прекрасно знал, почему, но отчаяние не хотело сейчас это понимать. Он слишком был обеспокоен судьбой лишь одного существа на этой земле. *Араса.*

Совсем отчаявшись достучаться до создания, далекого от природы, Недер укусил хозяйку за ногу и побежал к двери, затем снова укусил и снова бросился к двери. На третью попытку привлечь внимание, женщина, наконец, пошла вслед за ним.

Да-да-да. Идём, помогать Арасу.

По пути из дома женщина позвала мужа, который, как ни странно, быстро согласился пойти за котом. Недер сейчас был больше похож на демона, сбежавшего из ада, и его сияющие зелёные глаза лишь дополняли сей образ.

Мужской голос говорил что-то про сезон охоты, про капканы, но Недер не слушал.

Скоро они спасут Араса. Его хозяева же самые лучшие на земле, самые добрые, самые заботливые.

Арас! Арас, я вернулся!

Недер снова кинулся к другу, но женщина подхватила его на полпути и прижала к себе. Её сердце билось так же быстро, как и у самого кота. Она переживала вместе с ним, ведь женщина узнала оленя, который целый год в любую погоду приходил к Одуванчику.

Кот хотел было вырваться из объятий, но, увидев, как мужчина вызволял Араса из капкана, передумал. Тут он не должен был мешать. Он привёл помощь, а это главное. Казалось, что силы совсем покинули Недера. И последнее, что он успел увидеть — это разжавшаяся челюсть железных клыков и кровавая израненная нога Араса.

Месяц жил Арас у хозяев Недера. И целый месяц кот таскал всякие лесные травки и ягоды, чтобы друг не так сильно тосковал по родному лесу. На поправку он шёл быстро, но Недер знал, что теперь Арас будет хромать. Это он выяснил из подслушанного разговора хозяина и доктора Араса. И всё же это было не так страшно, как потерять друга навсегда.

И вновь каждый день олень приходил на лужайку, только теперь он хромал, но это несколько не мешало ему возить кота на своей спине.

ПЕРЕВОДЫ

AUSTIN FARRELL

Connections

Pop. The kids are running around.
 Small. The portions sit on the table.
 Cold. Weary eyes looking down.
 Up. Rotation of the ceiling fan.
 Faster than the room. Dizzy.
 Where is it all going? Outside.
 The trees are watching me. Still.
 I've watched them longer. Forever.
 The sky will never leave me and the clouds.
 Lies. I've told them here and there.
 Passive. People I see on sidewalks and buses.
 Stagnant. Gravel in the driveway.
 Hard. Breaking the unknown threshold.
 Entering the beyond. Opportunity.
 A man without a name. Quiet.
 A library welcomes me. Know.
 The words are more than words. People.
 The world began with a pop.

ОСТИН ФАРРЕЛЛ

Связи

Оп! Детки бегают кругом.
 Маленькие. Порции, поданные на стол.
 Холодны. Уставшие глаза, смотрящие вниз.
 Вверх. Вращение вентилятора на потолке.
 Стремительнее потоков ветра. Головокружительно.
 Где всё это происходит? Снаружи.
 Деревья следят за мной. Бесшумно.
 Я наблюдаю за ними дольше. Вовек.
 Небеса день и ночь хранят меня и облака.
 Ложь. Я говорил им тут и там.
 Пассивны. Люди в автобусах и на тротуарах.
 Неподвижен. Гравий, устилающий дорогу.
 Тяжело. Переступать порог неизвестного.
 Выходить за пределы. Возможность.
 Человек без имени. Тихо.
 Библиотека радушно встречает меня. Знай.
 Слова больше, чем просто слова. Люди.
 Земля начала вращаться. Оп!

Перевод с английского Виктории Чернявской

Единство

Взрыв. Дети шныряют вокруг.
 Крохи. Тарелки уже на столе.
 Вверх. Вращение вентилятора.
 Быстрее, чем комната. Дурно.
 Где это всё? Снаружи.
 Деревья следят за мной. Тихо.
 Я слежу дольше. Вечно.
 Господь не бросит меня и небо.
 Ложь. Я лгу здесь и там.
 Покорность. Люди в автобусах и на тротуарах.
 Застывший. Дорога покрыта гравием.
 Трудно. Стучаться в дома незнакомцев.
 Пересекать черту. Возможность.
 Человек без имени. Тихо.
 Книги рады мне. Знание.
 Слова – больше, чем просто слова. Люди.
 Мир зародился из взрыва.

Перевод с английского Оксаны Криволякиной

AUSTIN FARRELL

Frequencies

Where does all the static go?
 Play with an antenna and get shocked
 when you find the song patiently awaited.
 Remember all those words and spirits
 planted at the checkpoints of the day.
 It won't do any harm to frenzy a bit
 alone and complimenting your not-faults.
 I love it when they leave some out
 of the conversation we're going to have.
 Voice lure me and become those songs
 delivered from radios and owned playlists.
 My earlobes stay in automatic absorb
 for all those fragments and static.
 All of it. They are the frequencies of
 my bed laden nostalgia before sleep
 under everyone's dreams and the moon's cycles.
 The frequencies. Bed laden frenzy of
 static and song and spirits.
 Another playlist to spark my day.

ОСТИН ФАРРЕЛЛ

Частоты.

Куда исчезают все помехи?
 Играешь с антенной и внезапно
 находишь ту самую песню, которую искал.
 Вспоминаешь все слова и то воодушевление,
 с которыми встретил начало дня.
 Можно немного сойти с ума в одиночестве
 и похвалить себя за все не допущенные ошибки.
 Мне нравится, как кто-то обходит их стороной
 в беседе, которая вот-вот произойдёт.
 Голос завлёт меня и превратился в песни,
 звучащие по радио и из чьих-то плейлистов.
 Мои мочки продолжают автоматически поглощать
 все эти отрывки и помехи.
 Всё это. Это частоты
 моей постели, заваленной ностальгией перед сном
 под покровом всех грёз и лунных циклов.
 Частоты. Постель завалена безумием из
 Помех, песен и воодушевления.
 Ещё один плейлист, который зажжёт мой день.

Перевод с английского Анастасии Козловской

Dad: Free yourself.
 I don't see your past,
 neither should you.
 You have unforgiveness
 (for yourself).
 And any sin leads to death.
 As long as you let
 your self-worth
 come from your performance
 and you past, you
 are never going to be fully free.
 I made you.
 I made perfection.
 You are fearfully and wonderfully made.
 I don't see your sin
 or shame.
 They died on the cross with me.
 And
 you did not kill me, daughter.
 I gave my life.
 I let you put me on that cross,
 to show you the depth
 and bounds of my love
 for you.
 Not so you can live in slavery.
 When you believe
 the lies of fear,
 you ultimately say
 "God is not perfect".
 And in so doing,
 remove my gospel from equation.
 You are not perfect.
 Not on your own, but in me,
 you are – new.
 Do you trust me to define you?
 I will rewrite the story you keep telling yourself,
 if you allow me.
 I love you, daughter.
 Believe, that in Me, you are without flaw.

Отец: Освободи себя.
 Твоё прошлое
 не имеет для меня значения,
 и ты не должна думать о нём.
 Ты сама можешь простить себя.
 И всякий грех ведёт к смерти.
 Ты никогда не будешь полностью свободной,
 пока твоё чувство собственного достоинства
 зависит от мнения других людей
 и твоего прошлого.
 Я сотворил тебя.
 И я сотворил совершенство.
 Ты сотворена прекрасной,
 по образу и подобию моему.
 Я не вижу ни твоих грехов,
 ни твоего позора.
 Они умерли на кресте вместе со мной.
 И
 это не ты убила меня, дочь.
 Я отдал свою жизнь.
 Это я позволил тебе распять меня на кресте
 для того,
 чтобы показать, как глубока
 и безусловна моя любовь к тебе.
 Я сделал это для того,
 чтобы ты жила свободной.
 Когда ты веришь в ложь,
 порождённую страхом,
 в конце концов, ты говоришь:
 «Господь не совершенен».
 И говоря это, ты словно изменяешь моё Евангелие.
 Ты не совершенна сама по себе.
 Но во мне – ты другая.
 Достаточно ли ты доверяешь мне,
 чтобы сказать, кто ты есть?
 Если ты позволишь,
 я перепишу историю,
 которую ты продолжаешь рассказывать себе.
 Я люблю тебя, дочь.
 Поверь, что во Мне, ты совершенна.

Перевод с английского Лилии Венгуры

Уважаемые читатели! Если вы хотите, чтобы ваше произведение было опубликовано на страницах альманаха «Литературный ОбъектИФФ», вам следует предоставить электронный вариант рукописи. Для этого обращайтесь на кафедру мировой литературы и иностранных языков или присылайте файлы на электронный адрес LOalmanac@yandex.ru.

Не ограничивайте себя рамками жанров, форм, содержания или объёма, но помните, что отбор работ проводится на конкурсной основе. Если ваше произведение прошло конкурс, однако вы не встретили его на страницах альманаха, оно обязательно будет издано в следующем номере.

Редколлегия

³ Тейлор Гуд родилась 1 декабря 1998 года. Учится в университете Арканзас. Изучает медсестринское дело.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Багарадава Т.	
Дзе заўжды вечны май, і ў квецені бэз	3
Велічных нябесаў акварль	3
Пакліч мяне, Гасподзь, туды, дзе не баліць	3
Лета сівое, пахмурнае	3
Гугнин А.	
Возвращение	4
Ночное путешествие	5
Ушедшим	5
О пользе алкоголя	5
Студенческая загульная	6
Сон	6
О счастье	7
Капитан на Рижском взморье	7
Злой сонет	7
Полота	8
К выходу 7-го номера филологического альманаха «Литературный объект ИФФ»	8
Мальцев В.	
Наша сила не на словах	9
Жаром исходят камни в печи	9
Луна не вышла на свиданье	9
А за окном январский снегопад	9
Мне порой ночью	9
Последний погожий денёк	9
Колышет ветер невод паутины	9
Ночи всё темней и холоднее	9
Луна, подёрнутая дымкой облаков	9
День ушедший приблизил кончину	9
Воспоминанья, словно вечные лампы	9
Осенней ночью тихо и тепло	10
Зябкий апрельский вечер	10
А, может быть, пора остепениться	10
Изгиб асфальтовой дорожки	10
Всё от Бога, друзья, всё от Бога	10
Буйствует зелень последние дни	10
За окном догорает осенний пожар	10
Я глаза разлепил поутру	10
Я ушёл в себя, как в запой	10
Балтрукова Е.	
Проповедник	11
Волнорез	11
Лежу в кювете, на обочине	12
Лабовкин Д. Сожжённый	12
Замыская Е.	
Я снова взгляну в бесконечное небо	13
Постой, мой милый друг, мой странник	13
Конон И.	
Посвящение тракторам	14
Лесовозы выходят на рейсы	14
Московские окна	15
Не верить, не надеяться, не ждать	15
Я построил макет из картона	15
Как перо скрипит по чёрканной бумаге	15
Последний поход	16
Посвящение Бресту	16
Полночь	17
Когда артист выходит на поклон	17
Генджаева Е. Этюды в золотых и розовых тонах	18
Шабанова Р.	
Счастье	18
Питерский туман	18
Шуханкова М.	
Никто не боится. Боится каждый Никто	19
Все умерли. Спасибо за игру	19
Хватило бы на каждый камень	19
Молитва	19

ПРОЗА

Козюлин Е. Экран	20
Николаева Т. Про чемоданы	20
Андреева И., Шидловский С. Сказки о Ябллке и Воробыше	21
Камилова Ю. Пламя отважной дружбы	23

ПЕРЕВОДЫ

Фаррелл О. «Связи» (Перевод с английского Чернявской В.)	26
Фаррелл О. «Единство» (Перевод с английского Кривоклякиной О.)	26
Фаррелл О. «Частоты» (Перевод с английского Козловской А.)	26
Гуд Т. «Отец: Освободи себя» (Перевод с английского Венгуры Л.)	27

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 8

Ответственная за выпуск *А.И. Мозго*

Компьютерная верстка *А.И. Мозго*

Дизайн обложки *М. Кряжева*

Подписано в печать 28.12.2017. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 3,25. Уч.-изд. л. 3,90. Тираж 60 экз. Заказ 1621.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.